Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-103-110

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: sko.05@mail.ru

‘СЛУЧАЙ’ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ‘СУДЕЙСКОГО ПРАВА’

Аннотация. *Вероятно, единственной «визитной карточкой» того, что можно назвать международное «судейское право», является неизбежное взаимодействие разных национальных традиций юриспруденции, включая не всегда гладкое «сожительство» национальных языков, определяющих специфику и объём профессионального имиджа каждого международноготсудьи. Если родной язык судьи не совпадает с главным официальным языком международного судопроизводства, то это не означает, что родной язык просто «отключается» и никак не проявляет себя в герменевтической технике данного судьи. Как ни парадоксально, искусственная профессиональная моноязычность крайне опасна именно для профессиональной деятельности международных судей. Их профессиональная коммуникация презюмирует свободный переход с одного языка на другой, если для этого существует «Sachzwang». Кстати, Яндекс-переводчик вообще не умеет перевести это немецкое слово на русский язык, а в качестве английского и французского эквивалентов предлагает слово «принуждение» (англ. «compulsion» фр. «contrainte», соответственно), но это весьма приблизительный перевод (см. подробнее ниже). Автор статьи убежден, что лингвистическая полифония международного ‘судейского права’ объективно вовлекает международных судей в практику того, что можно назвать «расширение семантических горизонтов» профессиональной деятельности. В качестве примера я взял термин «случай» и посредством систематического применения этимологического, семиотического и герменевтического подходов постарался показать, как всё это работает.*

Ключевые слова: *международное публичное право, международное ‘судейское право’, сравнительное языкознание, герменевтика, семантика, семиотика, теория аргументации.*

KOROLEV Sergey V.,
Chief scientific researcher of the International Law Department at the State and Law Institute (the Russian Academy of Sciences), doctor juris habil., full professor

‘CASE’ AS A LINGUISTIC PROBLEM OF THE INTERNATIONAL ‘JUDGES’ LAW’

Annotation. *Possibly the only ‘visiting card’ of what may be called the international ‘judges’ law’ turns out to be the inevitable coexistence of different national traditions of jurisprudence, including the often uneasy ‘cohabitation’ of national languages, which molded the professional image of any individual international judge. If the native language of an international judge does not coincide with the main language of professional discourse, it doesn’t mean that the native language is simply ‘switched off’ and plays no role in the process of professional hermeneutics. May it seem paradoxical, but the artificial professional ‘monolingualism’ is very dangerous precisely for professional activities of international judges. The professional communication of international judges presupposes free shift from one language to another, if there is a ‘Sachzwang’ to do so. By the way, the Yandex-translator refuses to translate this German word into Russian, as for translations into English and French they are ‘compulsion’ and ‘contrainte’, accordingly. But these translations do not cover the whole meaning of the word ‘Sachzwang’. The author holds that linguistic polyphony of the international ‘judges’ law’ objectively engages international judges into a special kind of activity which may be called ‘extension of semantic horizons’ of their professional hermeneutics. I have chosen a word ‘case’ for my research. I hope that my triple methodology (etymology + semiotics + hermeneutics) has yielded some modest results, which may be of interest for readers of this article.*

Key words: *international public law, international ‘judges’ law’, comparative linguistics, hermeneutics, semantics, semiotic, argumentation theory.*

На примере терминов «случай», «случайность», а также их иностранных «аналогов» я постараюсь выявить «лингвистические засады» для разноязычных судей международных судов, когда они прибегают к помощи герменевтики [10]. Начну с русского слова «случай». Не только у русскоязычного иностранца, но и у носителя русского языка это слово вызывает легкую настороженность. Как таковой «случай» малоинформативен: сразу возникает вопрос о квалификации конкретного случая, например, «счастливый случай», «несчастный случай», «дурацкий случай» и т.п.

Нередко слово «случай» имеет привкус «случайности». В книге «Случай» Эмиль Борель отмечает: «В сложных вопросах (например, разумна ли для игрока стратегия «ва-банк» – С.К.) здравый смысл должен руководиться результатами вычислений; формулы не создают духа тонкости, но облегчают его применение» [1]. Строго говоря, для математиков, а также физиков, химиков и других представителей естествознания «случайность» представляет собой невыявленную необходимость: «Сущность явлений, называемых нами случайными, заключается в их зависимости от причин слишком сложных для того, чтобы мы могли их все выявить и изучить» [1].

Следует согласиться с Борелем, что статистический метод, помогающий здравомыслящему человеку принимать решения в «серой зоне» между необходимостью и «разумной вероятностью», гораздо предпочтительнее, чем действия наугад. Однако, статистика эффективна лишь (1) в результате обработки достаточно большого массива накопленных данных и (2) при удачном решении заранее и корректно сформулированных задач.

С учётом сказанного, предложенная Борелем техника редукции «случайных событий» до рационально прогнозируемой «вероятности» вряд ли пригодна посетителей казино. Ещё менее она подходит для тестирования международного «случайного события» на предмет наличия в нём элементов «предсказуемости» в том смысле, что данное «случайное событие» в чём-то может оказаться «неслучайным» и тем самым, сгенерировать вопрос о его возможной «юридизации». Таким образом, статистические выкладки Бореля (1) недостаточно убедительны и (2) плохо согласуются с герменевтическими проблемами международного судопроизводства, поэтому от статистики переходим к семиотике.

«В начале было слово». Дерзну добавить, что «этим словом был глагол». В контексте этимологии, а также семиотики [7] праформой примитивной коммуникации между людьми можно считать повелительное наклонение глаголов. В принципе и теперь некое человеческое сообщество может иметь внутри себя примитивные микроструктуры, интерактивный режим которых держится по преимуществу на приказах, подкрепленных невербальными «ориентировками», вроде: «Иди! Возьми! Принеси! Подай! Уходи!»

Если это так, то нам не обойтись без помощи Владимира Ивановича Даля. В его словаре под рубрикой «Случай» находим соответствующий переходный глагол «со-лучать» [3]. Что именно означает это переходное действо, Даль поясняет ссылкой на слово «слуцый» из лексики уральских казаков (помолвка, обручение) [3]. Отсюда, можно сказать, что «со-лучай» это - номинативный «сгусток» совершенного переходного глагола «с(о)лучить» в смысле «со-обручить, сопрячь, соединить» и т.п.

Объём значения слова «случай» достаточно широк, чтобы включать в себя также значения слов «событие, соприсутствие и совпадение». Давайте рассмотрим три эти семантические взаимосвязи. Во-первых, каждый случай (в строгом этимологическом смысле) носит событийный характер. Другими словами, он буквально случается (объединяется) с «внешним» бытием другого (кого-то или чего-то). Случай в качестве события содержит в себе коннотацию некоей социальной связи внутри каждого события.

К примеру, я могу принципиально игнорировать мой день рождения. Но я не могу воспрепятствовать тому, чтобы он стал событием, независимым от моего субъективного отношения к нему. Таковым мой день рождения становится, когда меня - пусть даже чисто формально - начинают поздравлять люди. Тем самым, они со-бытийствуют в событии под названием «мой день рождения», как бы я сам к нему ни относился. Такую активность по поводу моего дня рождения уже нельзя рассматривать в контексте случайности, а, скорее, в контексте необходимости [12].

Во-вторых, случай может иметь специальную форму соприсутствия. Случай как событие всегда сфокусирован на содержательном аспекте, т.е. на важности, знаковости, символичности, статусности события для всех со-бытийствующих. Напротив, случай как соприсутствие фиксирует «релятивистскую формальность», например, в духе общей теории относительности А. Эйнштейна [11]. Другими словами, соприсутствие случилось, когда некие персонажи, а вместе с ними, быть может, и некоторые вещи просто оказались в одном и том же месте в одно и то же время. Ясно, что соприсутствие имеет особое значение для органов дознания во всех уголовных делах. Принцип соприсутствия как ориентир дознания помогает определить круг подозреваемых и возможных свидетелей.

В-третьих, случай нередко имеет интересный аспект совпадения. Так, в качестве маркеров

случая-совпадения В.И. Даль отмечает удобное время или удачное обстоятельство для чего-либо: «Купил коня по случаю». В любом случае, от «случая» уже невозможно отлучиться тому, с кем этот случай «совпал». Таким образом, всякий «случай» это - безвозвратное совпадение, избыть которое «соучастнику» этого «случая» невозможно. Итак, этимологически «случай случает» в одно время и в одном месте акторов, различные «вещи» и события, которые до этого (в такой уникальной констелляции) вместе не «случались».

В контексте сравнительного языкознания слово «совпадение» получает «неожиданное» расширение благодаря латыни. Правда, в латыни нет существительного, полностью аналогичного русскому термину «случай». Иначе говоря, там нет номинатива, который бы запечатлел собою действие, обозначенное глаголами «со-лучать, сопрягать, со-обручать» и т.п. Этимологически первичный для «случая» смысл («быль, факт, событие») передает латинский термин «casus». Он дословно означает «падение» (от глагола «cadere» - «падать»).

Для целей заявленного исследования интересны такие производные значения термина «casus», как «обстоятельства», «случайность», «превратность», «происшествие», «событие», «несчастье» [4]. Принцип этимологической чистоты, которого я стараюсь придерживаться, всё сразу ставит на свои места: итак, русское слово «со-лучай» открыто для толкования в смысле интерактивного режима, например, со-лучай» в смысле «помолвки»; латинское же слово «казус» (далее, везде в кириллице) везде в своих переносных смыслах сохраняет коннотацию «падения на..».

Другими словами, обстоятельства, случайности, превратности (судьбы), происшествия, события (благоприятные или нет) и, наконец, несчастья «падают» на человека с небес, вероятно, по воле богов или по их допущению. Можно сделать вывод, что термину «казус» присущ некий фатализм и соответствующий вектор воздействия - всегда «сверху вниз» без всякого намека на возможность социального взаимодействия, т.е. горизонтального «со-обручения» тех, кто вовлечен в данный «со-лучай».

Однако, термин «казус» весьма продуктивен как раз в контексте семиотики. Он позволяет расширить смысл термина «случай как совпадение». В самом деле, термин «случай» может означать «совпадение» двух (или более) казусов в одном и том же месте в одно и то же время. Скажем, два именитых ученых по официальному приглашению приехали на одну и ту же конференцию в один и тот же университет. Они как бы в тайне друг от друга всегда хотели встретиться. И вот приезд одного (казус № 1) точно совпал с приездом другого (казус № 2). В итоге два намеренных казуса реализовали совокупную случайность, которую, впрочем, можно трактовать и самостоятельный случай, т .е. казус № 3.

Не секрет, что в обыденном сознании русскоязычного человека существует глубинная ассоциативная связь между «случаем» и «случайностью». Эта связь носит асимметричный характер в том смысле, что объём термина «случай» в принципе открыт для специфического значения термина «случайность». Так, выражение «случайный случай» не следует «клеймить» как абсурдную тавтологию. Спору нет: в жизни людей преобладают как раз «неслучайные случаи» без эффекта удивления, испуга, растерянности, неожиданности, ступора, чувства досады или, наоборот, внезапного восторга. Однако, это не означает, что выражение «случайный случай» это – просто нелепость.

Собственный смысл выражения «случайный случай» сокрыт в его коннотации, а именно в том, что данный случай не дотягивает до стандарта нормального (неслучайного) случая. Возьмём пример из словаря В.И. Даля, где «случайный случай» чётко подпадает под понятие «ненормальный случай» но при этом сфокусирован на объективной стороне события, а не его субъективной оценке: «У нас был неслыханный случай: мужик в ведре утонул; стал пить в наклон, а перевясло закинулось на затылок, и захлебнулся! [3]»

Юридически - несмотря на неслыханность ситуации - речь идет о классическом несчастном случае. Любая смерь – это факт, т.е. случай-событие в первичном этимологическом смысле. Элементы неожиданности и непредвиденности юристов не интересуют. Во всяком случае, юристы легко могут переквалифицировать подобный факт в «неудачное стечение обстоятельств» или в «невезение».

Переходим к анализу английской версии «случайных» семантических игр. Выше было указано, что почти все значения русского термина «случай», за исключением идеи «со-лучения, сопряжения, со-обручения» входят в объём латинского термина «казус». В современном английском и французском языках он приобрел отчетливый юридический и – шире – бюрократический привкус. Английское слово «case» имеет две основные группы значений: в первую входят значения «дело», «случай», «обстоятельство», а также «пример», во вторую – «футляр», «чехол», «ящик» и «кейс» (= чемоданчик).

Сразу сделаю оговорку: русское слово «случай» применяется для перевода английского «case», похоже, лишь во вводных выражениях, типа «в этом случае…», «в таком случае…» и т.п. Интересно, что перевода на английский язык русских выражений «не наш случай» и «не наше

дело» так же, как и в русском языке, требуются разные существительные: «case» и «affair», соответственно. Таким образом, «affair», как и «business» (= дело предпринимателя) указывают на реальную активность, вовлеченность человека в гущу событий, а формалистское слово «case» указывает на шаблон, схему, и, в конечном итоге, на «ящик данных» или же «папку документов».

Носитель английского языка, скорее всего, будет толковать термин «case» в юридико-бюрократическом смысле, т.е. как «папку соответствующих материалов» под названием «дело Имярек». По контрасту, далевский «со-лучай» как (1) то, что сбылось и (2) то, что со-лучило кого-то с кем-то или с чем-то, вообще не входит в понятийный объём английского термина «case». Более того, для носителя английского языка «case» как «дело», т.е. как «папка документов» не имеет прямой ассоциативной связи с реальными делами в смысле «affair» или «business».

Французское слово «cas» как (псевдо-) аналог русского термина «случай» представлено в трехчастном синонимическом ряду и входит в первую его часть, наряду со словами «circonstance» (обстоятельства) и «affaire» (дело, в т.ч. любовная связь). Во вторую часть входят однокоренные слова «accident» (происшествие) и «incident» (инцидент, межличностная «склока»). Третья часть состоит из одного слова «fait» (факт, т.е. то, что свершилось). Удивительно, что яндекс-переводчик так далеко разводит русское понятие «случай» и французское понятие «fait». Напротив, Владимир Иванович Даль как раз и начинает с того, что «со-лучай» это, - прежде всего, «быль» или то, «что сталось, случилось, сбылось» [3].

Кака видим, базовый, а именно событийный аспект русскоязычного «случая» затёрт на задворки французского менталитета. Другими словами, международного судью-француза, быть может, придётся подвигать к мысли о том, что «le cas», который он рассматривает, это – прежде всего, некая совокупность соответствующих «les faits». Смею предположить, что, и для английского, и для французского менталитета «case» или «cas» означают примерно одно и то же, а именно «оформленный пакет документов», подготовленный для бюрократического оборота.

Правда, у французов для этого есть также специальное слово - «dossier», которое в русском языке известно под транслитерацией «досье», но это не имеет принципиального значения для нашего вывода о близости английского и французского менталитетов в рассматриваемом случае. Тем не менее, с точки зрения французского менталитета слово «le cas» несёт в себе коннотацию некоей незавершенности: лишь в тот момент, когда «le cas» («les faits») приобретает форму «dossier», т.е. именной папки документов, можно говорить о юридическом статусе данного «le cas».

Наконец, переходим к анализу заявленной темы на структурных примерах [9] немецкого языка. С одной стороны, немецкий термин «der Fall» дословно означает «падение», т.е., на первый взгляд, представляет собой лишь немецкую кальку латинского слова «casus», производного от глагола «cadere» («падать»). Но, с другой стороны, немецкий термин «der Fall» породил большую семью производных терминов. Вот наиболее известные среди них - Abfall (обвал), Anfall (припадок), Ausfall (сбой, авария), Durchfall (понос, провал на экзамене), Überfall (нападение), Unfall (несчастный случай), Unterfall (подвид), Verfall (упадок), Vorfall (происшествие), Zufall (случайность), Zwischenfall (инцидент или что не к месту вклинилось и нарушило обычный «порядок»).

Для целей нашего исследования следует особо остановиться на терминах Unfall (несчастный случай), Vorfall (происшествие), Zufall (случайность) и Zwischenfall (межличностная стычка, инцидент). Благодаря приставке «Un-» термин «Unfall» разделяет одну и ту же коннотацию беспорядка с такими словами, как «Unding» (нелепость), «Unfug» (неприличие), «Unsinn» (вздор), «Unrecht» (правонарушение). Таким образом, «Unfall» есть не что иное, как нелепый, дегенеративный «Fall».

Благодаря приставке «Vor-» слово «Vorfall» (происшествие) имеет коннотацию «переднего плана», предварительности, как и слова «Vorschrift» (предписание), «Vorschub» (продвижение), «Vorsitz» (председательство). Слову «Vorfall» можно дать развернутое описательное определение как «нечто неожиданно выпавшее наружу и вперед и каким-то образом нас задевшее».

Немецкий предлог «zu», как и его английский аналог «to», имеет в виду некое движение по направлению к говорящему: «Komm zu mir!» («Подойди ко мне!»). «Zufall» (случайность) это – нечто «упавшее» на нас нежданно-негаданно. Другими словами, «Zufall» это - прибыток проблем, как в позитивном, так и негативном смысле. Вариант № 1: кто-то случайно нашёл лотерейный билет, который выиграл миллион долларов. Вопрос: «что теперь делать с выигрышем»? Вариант № 2: при парковке водитель случайно отвлекся и слегка притерся к бамперу впереди стоящей машины. Вопрос: «как искать пострадавшего автовладельца и надо ли?».

За рамками моего исследования я намеренно оставил модную нынче тему соотношения «космического порядка» и «космического хаоса». Во-первых, эту тему прочно «оседлали» сторонники теории хаоса, вроде микробиолога Жака Моно [13]. Для них «порядок», о котором, например, печётся юриспруденция, всего лишь «человеческий артефакт». Однако, всякое человеческое дело «распадчиво» [5]. Во-вторых, логически

невозможно рассуждать о «хаосе» в «терминах хаоса»: любой термин представляет собой – так или иначе – упорядоченную категорию. Соответственно, «теория хаоса» на собственной «основе» невозможна. Возможна лишь теория «упорядоченного хаоса».

Как бы то ни было, «mainstream» среди математиков и естествоиспытателей не признаёт за «случайностью» собственного (метафизического) бытия, автономного по отношению к «необходимости». Что касается гуманитариев, то они гораздо более благосклонны к «случайным событиям, недоразумениям, глупостям» и т.п [12].

Рюдигер Бубнер вслед за Аристотелем утверждает, случайно то, что не имеет причины. В свою очередь, причина это - то, что «делает» так, чтобы нечто вообще было и было именно таким, каким оно есть, т.е. как оно нам является [6]. Ключевое слово здесь глагол «делает». Он не только обеспечивает прочную связь феномена с его причиной, но также много чего «делает» в сфере случайного. Любой человек формирует («делает») свой опыт случайно, причем в двойном смысле: накопленный им опыт является суммой случайностей, с другой стороны, отдельные испытания, которые «случаются» с данным человеком, всегда случайны в том, по какому поводу они человека «настигают» и как именно он их «встречает» [6].

Переходим к анализу немецких слов, которые начинаются с предлога «zwischen» («между»): Zwischenbericht (промежуточный доклад), Zwischenbilanz (промежуточный баланс), Zwischenlager (промежуточный лагерь). Этимологически предлог «zwischen» восходит к числительному «zwei» («два») и символизирует промежуточное состояние, итог, результат между каким-то началом и (прогнозируемым) завершением. Я бы предпочёл трактовать слово «zwischen» в смысле общей теории относительности А. Эйнштейна [11], а именно как «нечто» меж-пространственное и одновременно меж-временное.

Слово «Zwischenfall», скажем, в перспективе офисного начальника может означать некую «загвоздку». Она может иметь место либо в пространстве, например, «стычка» босса с одной из дерзких сотрудниц между его кабинетом и корпоративной столовой, либо она может «растекаться» во времени, например, между внезапным распоряжением босса в адрес подчиненного что-то немедленно сделать и приступом ярости со стороны подчиненного, когда, вернувшись на рабочее место, он начинает громить свой офисный компьютер. Итак, «Zwischenfall» есть нечто неприятное или даже шокирующее, что «упало» к нам от кого-то совсем некстати и как-то нас озаботило в тот период, когда мы беззаботно перемещались в пространстве и, соответственно, во времени.

От анализа немецкой лексики вокруг слова «der Fall» переходим к анализу немецкого менталитета. Следует сразу отметить, что «der Fall» - в отличие от английского «case» и французского «cas» - имеет четкую смысловую связь с первичным значением слова «случай» в контексте словаря В.И. Даля. Иначе говоря, «der Fall» - не просто «падение», а «падение как со-бытие». Согласно немецкому менталитету, дело не в «падении» как таковом, а в том, что нечто «упало» (к нам или на нас) и теперь «оно» с нами и нам с этим надо что-то делать.

Благодаря Людвигу Витгенштейну, «der Fall» приобрел статус философского термина. Знаменитый «Логико-философский трактат» Витгенштейна фактически содержит в себе вопрос: «Was ist der Fall?» [2]. Но было бы опрометчиво переводить этот лингвистически беспроблемный вопрос дословно, а именно как «Что есть случай?». В русском переводе этот вопрос требует лексической трансформации и, соответственно, семантического расширения. Фактически вопрос Витгенштейна сводится к философской проблеме: «Что есть нечто «упавшее» (сюда к нам), а мы это «нечто» никак не можем игнорировать?». Итак, вопрос Витгенштейна «Was ist der Fall?» по-русски сводится к вопросу: «Что имеет место?». Лишь то, что имеет место в нашем мире, нам является в качестве феномена, а не просто как иллюзия, кажимость, фантом и т.п.

Позднее выдающийся немецкий социолог Никлас Луман дополнил вопрос «Was ist der Fall?» («что именно имеет место?») вопросом «Was steckt dahinter?» («что за этим кроется?»). По мнению Лумана, простая констатация присутствия чего-то в нашем мире помимо нас самих (некоего явления, или феномена) неизбежно подводит нас к оценке нашего соприсутствия с этим феноменом, т.е. к поиску ответа на вопрос: «Was steckt dahinter?» («что за этим кроется?»). Другими словами, любая наша констатация в тенденции порождает нашу интерпретацию, а если второе отсутствует, то и первое само по себе бессмысленно [14].

Возвращаемся к первому тезису Логико-философского Трактата Витгенштейна: «Die Welt ist alles, was der Fall ist» [15] («мир есть всё, что имеет место»). В рамках заявленной темы мы можем сократить его и переформулировать: «Was ist der Rechtsfall»? В русском переводе вопрос будет звучать так: «Что юридически имеет место (в этом мире)»? Обычно термин «Rechtsfall» немецко-русские словари переводят как «судебное дело». Но по смыслу гораздо ближе к этимологии оригинала будет русское слово «правовой случай». Во-первых, не каждый такой случай доходит «до суда». Во-вторых, не для всякого такого случая удаётся найти соответствующего причинителя, т.е. «делателя» этого случая.

Выводы:

Если применить метод структурной семантики Грейма [9], то нет препятствий для семантического расширения термина «Rechtsfall», поместив его в структурную цепочку понятий «Tatsache» и «Sachverhalt». Слово «Tatsache» принято считать немецким аналогом латинского «Factum» (досл. «сделанное»). В самом деле, гениальное двусложное слово «Tat – Sache» символизирует единство слов «die Tat» (дело) и «die Sache» (вещь). Фактически речь идёт о ёмкой и красивой метафоре «дело, ставшее вещью».

Надо, впрочем, иметь в виду, что существительное «Sache» можно рассматривать как номинативный аналог старонемецкого глагола «sahhan» («спорить, ругаться, искать»). Соответственно, «Rechtsfall» (правовой случай) в процессуальном плане принимает форму «Rechtssache» (юридический спор). Однако, в современном немецком языке слово «Sache» стало означать некий материальный объект, т.е. «вещь, предмет» [8].

В немецком языке сосуществуют два глагола со значением «делать что-либо», а именно «tun» и «machen». Первый подчеркивает чисто процессуальный аспект «делания» как такового. Второй же нацелен на некую результативность «делания». Например, похвала «хорошо сделано»! по-немецки будет звучать не «gut getan», а «gut gemacht»! Тем не менее, слово «Tat – Sache» содержит коннотацию того, что однажды начатое «делание» - даже бесцельное, даже вроде безобидное – может «отделиться» от своего делателя, приняв некую форму «внешней вещи». Более того, внешние наблюдатели при этом получают возможность противопоставить эту «вещь» её же «делателю» (см. ниже).

Совместив этимологии немецкого слова «der Fall» («падение») и русского слова «случай» («совмещение, совпадение»), русскоязычный международный судья получает возможность протестировать тот или иной факт, зафиксированный в «судебном деле». Иначе говоря, он может попробовать применить к такому факту формат под названием «der Fall als Tat-Sache». При таком ракурсе тестируемый факт рассматривается как «случай, объективно отчужденный от своего «делателя» и, вероятно, юридически упавший ему же на голову».

Таким образом, факт, подпадающий под формат «der Fall als Tat-Sache», становится доступным для «со-лучения» с идеей юридической ответственности «делателя». Последний в Juristendeutsch известен под техническим термином «der Täter». Для обоснования возможного привлечения «делателя» к юридической ответственности судья должен найти для себя ответ на гипотетическую тавтологию «а могло ли всё быть иначе, если бы делатель не стал делать своё делание?»

Совсем иначе обстоит дело с герменевтическим форматом под названием «der Fall als Sach-Verhalt». К этимологии слова «Sache» мы ещё вернёмся в другом контексте, но в общих чертах смысл этого слова мы уже выяснили. Что касается, слова «Verhalt», то оно этимологически связано со старонемецким глаголом «farhaltan», что означает «сдерживать, стеснять» [8]. Таким образом, в значение термина «Sach-Verhalt» входит идея о том, что вещи суть объективно сдерживающий фактор. В определенной констелляции «вещи» могут «вести себя» (sich verhalten) так, что фактически «не позволяют» интерпретатору ставить гипотетические вопросы: «А что если…». Приходит на ум устойчивое выражение: «Факт – упрямая вещь».

Важно отметить, что оценку фактов судебного дела в формате «der Fall als Sach-Verhalt» трудно назвать герменевтикой в строгом смысле. Этот формат как бы сам себя навязывает судье, если вопрос о «делателе» данного Sach-Verhalt'a не возникает. Иначе говоря, «делатель» (der Täter в широком смысле) либо неизвестен, либо в констелляции данного Sach-Verhalt'a избыточен или вообще невероятен. Соответственно, «der Fall als Sach-Verhalt» не имеет коннотации юридической ответственности лица. Обычно случай как Sach-Verhalt толкуется в терминах «стечения обстоятельств», поэтому гипотетическая тавтология «а могло ли всё быть иначе, если бы некто не стал что-то делать?» здесь «не работает».

Следует также отметить, что немецкий язык располагает и другими двусложными словами, первый элемент которых образует слово «Sache», например, «Sachlage» и, особенно, «Sachzwang». Слово «Sach-Lage» удачно переводится на русский язык как «положение (Lage) вещей (Sachen)». Казалось бы, этот же путь перевода открыт и для термина «Sachzwang», а именно как «принуждение (Zwang) вещей (Sachen)».

Однако, такая версия перевода чужда русскоязычному менталитету, поскольку она «контрабандой» продавливает две экзотические мысли, а именно, во-первых, мысль о том, что «вещи квази-волеспособны и поэтому могут принуждать людей к чему-то» и, во-вторых, «вещи могут сопротивляться, как и люди, и тогда их надо принуждать». Таким образом, указанный перевод («принуждение вещей») провоцирует у русскоязычного менталитета двойной когнитивный ступор: (1) обе интерпретации одинаково абсурдны и (2) формальный выбор в пользу одной из них сам будет абсурдным, так как отсутствует рациональный критерий выбора.

Однако, не следует отсюда делать скороспелые выводы и подозревать немецкоязычный

менталитет в имманентной абсурдности «по поводу вещей». Дело в том, что русское слово «вещь» по смыслу и своей функции тяготеет к миру «внешних объектов». В словаре Владимира Ивановича Даля в качестве ближайшего синонима для «вещей» упоминается пренебрежительное слово «пожитки» [3]. Русский менталитет никогда не отождествляет себя с «вещным миром» вообще и отдельными «вещами», в частности.

Напротив, немецкое слово «Sache» тяготеет к «внутреннему (антропологическому) миру». Так, «пожитки» и всякие «шмотки» немец называет пренебрежительным словом «Klamotten», но никогда словом «Sachen». Немцу комфортно позиционировать себя и даже отождествлять себя как личность через понятие «Sache». Русский скажет: «Это не моё дело», но немец в аналогичной ситуации скажет: «Das ist nicht meine Sache» (досл. «это не моя вещь»). Разгадка такой «вещественности» немецкой души совсем рядом: дело в том, что слово «Sache» и слово «Suche» (поиск) [8] семантически «произрастают» из одного и того же старонемецкого «корневища». Слово «Sache» означает для немца вовсе не любую «вещь» (в русскоязычном смысле), а только такую, в которую он вложился душой, по которой он будет тосковать в случае пропажи и поэтому будет её искать.

В итоге можно сказать: для русского менталитета любые «пожитки», даже материальный хлам легко подпадают под категорию «вещи»; для немецкого менталитета слово «Sache» - так или иначе – имеет коннотацию субъективной и даже душевной связи «вещи» с конкретным человеком. Другими словами, когда немец говорит: «Das ist meine Sache!», он имеет в виду некую «вещь» как свое «личное дело», за которое он несёт ответственность. Слово «Sachzwang» следует понимать в том смысле, что «моя вещь, она же моё дело, заставляют меня принять такое-то решение, совершить такой-то поступок».

Список литературы:

[1] Борель Э. Случай. – М.: ГИЗ. – 1923.

[2] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: Издательство АСТ. – 2018.

[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4 – М.: Рипол Классик. – 2006.

[4] Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык. – 1976. – сс. 162-163.

[5] Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. – М.: Русский путь. – 2000.

[6] Bubner R. Die Aristotelische Lehre vom Zufall // Kontingenz (herausgegeben von G. von Graevenitz und Odo Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[7] Chandler D. Semiotics: the Basics. 2nd Edition. – London, N.Y.: Routledge. – 2002.

[8] Duden. 5-te Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag – 2003.

[9] Greimas A.J. Strukturale Semantik [1966]. Übersetzung aus dem Französischen von J. Ihwe. – Brauschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1971.

[10] Grondin J. Einführung in die philosophische Hermeneutik. 2-te Aufl. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 2001.

[11] Laue M. Die Relativitätstheorie. – Braunschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1921.

[12] Makropoulos M. Kontingenz und Handlungsraum // Kontingenz (Hrsg. von G. von Graevenitz u Marquard O. Apologie des Zufälligen. – Stuttgart: Philipp Reklam jun.- 1986.nd O. Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[13] Monod J. Zufall und Notwendigkeit (verdeutscht von Fr. Griese). – München: DTV. – 1975.

[14] Luhmann N. „Was ist der Fall?“ und „Was steckt dahinter?“ - Bielefeld: Stadt-Blatt Verlag. – 1993.

[15] Wittgenstein L. - Tractatus logico-philosophicus. - http://www.geocities.jp/red_mad_hatter/Tractatus/jonathan/D.html.

References:

[1] Borel E. Case. - M.: GIZ. – 1923.

[2] Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. Per. from the German L. Dobroselsky. - M.: AST Publishing House. – 2018.

[3] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. T.4 - M.: Ripol Classic. – 2006.

[4] Butler I.Kh. Latin-Russian dictionary. - M.: Russian language. – 1976. - ss. 162-163.

[5] Solzhenitsyn A.I. Russian dictionary of language extension. 3rd ed. - M.: Russian way. – 2000.

[6] Bubner R. Die Aristotelische Lehre vom Zufall // Kontingenz (herausgegeben von G. von Graevenitz und Odo Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[7] Chandler D. Semiotics: the Basics. 2nd Edition. – London, N.Y.: Routledge. – 2002.

[8] Duden. 5-te Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag – 2003.

[9] Greimas A.J. Strukturale Semantik [1966]. Übersetzung aus dem Französischen von J. Ihwe. – Brauschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1971.

[10] Grondin J. Einführung in die philosophische Hermeneutik. 2-te Aufl. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 2001.

[11] Laue M. Die Relativitätstheorie. – Braunschweig: Fr. Viehweg und Sohn. – 1921.

[12] Makropoulos M. Kontingenz und Handlungsraum // Kontingenz (Hrsg. von G. von Graevenitz u Marquard O. Apologie des Zufälligen. –

Stuttgart: Philipp Reklam jun.- 1986.nd O. Marquard). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 1998.

[13] Monod J. Zufall und Notwendigkeit (verdeutscht von Fr. Griese). – München: DTV. – 1975.

[14] Luhmann N. "Was ist der Fall?“ und "Was steckt dahinter?“ - Bielefeld: Stadt-Blatt Verlag. – 1993.

[15] Wittgenstein L. - Tractatus logico-philosophicus. - http://www.geocities.jp/red_mad_hatter/Tractatus/jonathan/D.html.

